

Игорь ЮШКОВ
Софья ЗАЙЦЕВА

ГАЗОВЫЙ РЫНОК ЕС В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ЗАПРЕТА РОССИЙСКОГО СПГ И НОРМАТИВНЫХ РИСКОВ СОКРАЩЕНИЯ ПОСТАВОК ИЗ США И КАТАРА

Дата поступления в редакцию: 17.03.2026.

Для цитирования: *Юшков И. В., Зайцева С. А., 2026. Газовый рынок ЕС в условиях санкционного запрета российского СПГ и нормативных рисков сокращения поставок из США и Катара. – Геоэкономика энергетики. № 2 (34). С. 44–59. DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_44*

В статье проанализированы институциональные, рыночные и инфраструктурные последствия для газового рынка Европейского союза, возникающие в результате одновременного действия двух ключевых ограничений: санкционного запрета на импорт российского сжиженного природного газа (СПГ) с 2027 г. и распространения нормативных требований ЕС, включая положения Директивы о корпоративной должной осмотрительности (*CSDDD*), на внешних поставщиков, прежде всего из США и Катара. На основе качественного институционального анализа и сопоставления нормативных актов ЕС, отчетов Европейской комиссии и *ACER* выявлено, что влияние этих мер выходит за пределы простой замены российских объемов и затрагивает логику по-

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной безопасности, старший преподаватель кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский проспект, 49. **E-mail:** ivyushkov@fa.ru. **SPIN-код:** 5693-0136.

ЗАЙЦЕВА Софья Андреевна, студент 3 курса направления «Политология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский проспект, 49. **E-mail:** zsofa1706@mail.ru. **ORCID:** 0009-0003-3846-3609.

Ключевые слова: газовый рынок ЕС, СПГ, импорт газа, санкции ЕС, *CSDDD*, энергетическая безопасность, регуляторные риски, хабовое ценообразование, долгосрочные контракты.

ставок, структуру долгосрочных контрактов и функционирование хабового ценообразования, изменяя условия доступа внешних поставщиков к рынку ЕС. В статье рассмотрены институциональные последствия распространения требований *CSDDD* на компании *QatarEnergy*, *Cheniere*, *ExxonMobil* и других экспортеров, включая усиление юридических обязательств, изменение структуры рисков в долгосрочных контрактах и формирование условий, при которых устойчивость поставок определяется не физической доступностью газа на мировом рынке, а нормативной совместимостью цепочек поставок с требованиями ЕС. Установлено, что по мере роста доли США и Катара на рынке ЕС сокращается ликвидность основных торговых хабов, а ценообразование постепенно переносится в сферу долгосрочных соглашений, где цены чаще ориентируются на внешние индексы, а не на хабовые котировки. С учетом выявленных каналов воздействия выделены возможные варианты развития газового рынка ЕС в 2027–2030 гг., различающиеся по характеру реакции поставщиков на регуляторные требования союза.

Введение

Начиная с мая 2020 г., когда пандемия *COVID-19* привела к резкому падению спроса и рекордно низким ценам на газ, стоимость энергоресурса постепенно увеличивалась. Рост цен на газ, начавшийся в начале 2021 г. и усилившийся в 2022 г., сопровождался значительной волатильностью и не демонстрирует устойчивых признаков возврата к уровню, который был в период 2014–2020 гг. На сегодняшний день уровень цен на газ превышает весенний показатель 2020 г. в 30 раз¹. В течение этих лет на европейском рынке наблюдалось постепенное снижение цен, что нередко трактовалось как результат либерализации и формирования конкурентной хабовой модели, способной обеспечивать структурно более низкие тарифы для конечных потребителей.

Однако последующие события показали, что данный тренд носил конъюнктурный характер и опирался на временные условия избытка предложения и благоприятной ценовой среды. Аналитические обзоры *IEA* и *ACER* связывают рост цен с постпандемийным восстановлением спроса, усилением межрегиональной конкуренции за СПГ и периодическими ограничениями в глобальных цепочках поставок [*Global Gas Security...*, 2023; *Key developments...*, 2024]. По оценкам данных ведомств, постпандемийное восстановление спроса, геополитический кризис вокруг Украины, усиление конкуренции за СПГ между Европой и Азией, а также перебои в глобальных цепочках поставок стали ключевыми факторами, поддерживающими рост цен на газ в 2021–2022 гг.

Отдельные исследователи полагают, что завершение процесса замещения российских объемов газа приведет к стабилизации ценовой ситуации,

¹ Outlook for gaseous fuels – World Energy Outlook 2022 // <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022/outlook-for-gaseous-fuels>, дата обращения 29.11.2025.

однако на практике сохраняется неопределенность относительно способности рынка обеспечить устойчивое снижение цен в условиях повышенной конкуренции за ресурсы и ограниченности альтернативных поставщиков. Формируется положение, при котором с 2027 г. газовый рынок ЕС сталкивается одновременно с прекращением импорта российского СПГ и потенциальным сокращением поставок из США и Катара, на которые в настоящее время приходится около 60–65 % всего импортируемого в ЕС СПГ² [Key developments..., 2025]. Альтернативные источники (Алжир, Норвегия, Нигерия и др.) не могут предложить эквивалентные по объему, гибкости и инфраструктурной связанности поставки, что обосновывает необходимость комплексной оценки влияния данных ограничений на структуру импорта, ликвидность газового рынка и устойчивость импорта в ЕС.

Возникает вопрос, обусловлен ли наблюдаемый кризис на газовом рынке ЕС исключительно внешними конъюнктурными факторами, такими как прекращение российских поставок, ценовая волатильность и геополитическое напряжение, или он имеет более глубокую природу, связанную с особенностями формирования и инерционностью самой энергетической политики Европейского союза. В данном контексте особую значимость приобретает концепция политических убеждений (*policy beliefs*), под которыми понимаются устойчивые представления политических акторов о природе экономических проблем и об инструментах их решения [Sabatier, 1998]. Эти убеждения, как правило, сохраняют стабильность даже при структурных изменениях на рынке и корректируются постепенно, не изменяясь под воздействием внешних шоков [Hall, 1993; Sabatier, Jenkins-Smith, 1999; Sabatier, Weible, 2007].

В рамках газового рынка ЕС это проявляется в том, что регуляторные решения, принимаемые после 2022 г., в значительной степени опираются на долгосрочные установки, сформированные задолго до текущего кризиса: ориентацию на снижение зависимости от отдельных поставщиков, приоритет нормативно-правовых инструментов над рыночными механизмами и стремление усилить институциональный контроль над импортной архитектурой. Такая инерционность политических установок помогает объяснить, почему многие элементы новой нормативной архитектуры, в т.ч. санкционные меры, правила устойчивости цепочек поставок и механизмы коллективных закупок, оказываются более жесткими и менее адаптивными к изменяющейся международной конъюнктуре, чем могли бы быть в условиях сугубо экономического подхода. Применительно к газовой политике ЕС это означает, что институциональные представления о механизмах диверсификации, ликвидности и хабоориентированной модели рынка могли

² European natural gas imports dataset // <https://www.bruegel.org/dataset/european-natural-gas-imports>, дата обращения 29.11.2025.

не эволюционировать в должной мере в ответ на радикальное изменение структуры поставщиков, рост доли СПГ и зависимость от ограниченного числа неевропейских экспортеров.

Исходное состояние газового рынка ЕС (2023-2025 гг.)

В 2023-2025 гг. газовый рынок ЕС характеризовался устойчивым ростом роли сжиженного природного газа, который замещает снизившиеся объемы трубопроводных поставок, прежде всего из России (с 155 млрд куб. м в 2021 г. до менее 43 млрд куб. м в 2022 г.)³. По данным *ACER* [*Key developments...*, 2025], *IEA* [*Gas Market Report...*, 2024] и Европейской комиссии⁴, доля СПГ в совокупном газовом импорте ЕС выросла с 19 % в 2019 г. до более чем 34 % в 2024 г., что сопровождалось структурным изменением логистики поставок, переориентацией на приемные морские терминалы и усилением значения *regasification*-мощностей. Региональное распределение импорта стало более неоднородным: Северо-Западная Европа (Нидерланды, Бельгия, Германия, Франция) аккумулирует значительную часть СПГ, в то время как Центральная и Юго-Восточная Европа сохраняют зависимость от импортируемого газа через внутренние интерконнекторы.

Структура поставщиков СПГ сосредоточена на трех ключевых экспортерах: США, Катар и России, которые обеспечивают более 70 % всех поставок СПГ в ЕС⁵. Из указанных стран США занимают лидирующую позицию с долей около 45 % в 2024 г., в то время как Катар и Россия в среднем занимают по 16-19 % (22-25 млрд куб. м), в отдельные кварталы превышая эти значения.

На фоне сокращения или постепенного прекращения российских поставок растет значение двух оставшихся экспортеров, что усиливает концентрацию импортной структуры. *ACER* отмечает, что такая зависимость уже оказывает влияние на ликвидность хабового рынка: торговля на *TTF*, *PEG* и *NBP* все в большей степени опирается на ценовую динамику СПГ, а не на внутренние газовые контракты. Важным элементом исходного состояния является усиление роли долгосрочных контрактов на СПГ, которые после 2022 г. приобретают характер инструментов не только ценовой стабильности, но и физической доступности энергоресурсов в условиях конкуренции с азиатскими рынками и ограниченной инфраструктурной гибкости.

³ Data and analysis // https://energy.ec.europa.eu/data-and-analysis_en, дата обращения 10.12.2025.

⁴ Gas market report Q2 2025 // https://energy.ec.europa.eu/document/download/d80fd3b6-6f3d-48b0-bd6e-db2f21dcd796_en?filename=New%20Quarterly%20Report%20on%20European%20Gas%20Markets%20Q2%202025.pdf, дата обращения 10.12.2025.

⁵ European natural gas imports dataset // <https://www.bruegel.org/dataset/european-natural-gas-imports>, дата обращения 29.11.2025.

Институциональные и регуляторные основания формирования новой импортной архитектуры газового рынка ЕС

В документе *REPowerEU*, который был представлен Еврокомиссией в марте-мае 2022 г. как план по «резкому сокращению зависимости от российского газа уже к концу 2022 г. и прекращению использования российских ископаемых видов топлива задолго до 2030 г.» [*REPowerEU Plan*, 2022], Европейский союз впервые официально закрепил стратегию отказа от российских энергоресурсов, определив приоритетным направлением диверсификацию поставок за счет глобального рынка СПГ. Документ предполагает замещение российских трубопроводных объемов посредством расширения импорта СПГ, развития инфраструктуры его приема, создания общей платформы закупок газа и укрепления долгосрочного сотрудничества с внешними поставщиками, прежде всего США и Катаром.

Для обеспечения безопасности поставок все государства-члены должны получить доступ как минимум к трем источникам газа или к глобальному рынку СПГ, а уже в 2022 г. за счет проектов «общего интереса» (*PCI*) должна быть введена в эксплуатацию дополнительная газотранспортная инфраструктура, включая *GIPL* (Польша – Литва), интерконнектор Польша – Словакия и *Baltic Pipe*, общей мощностью около 20 млрд куб. м в год. На уровне инструментов план предполагает развитие терминалов СПГ, ускорение разрешительных процедур для инфраструктуры, обязательства по заполнению подземных хранилищ и создание механизма совместных закупок газа.

Одновременно вводится политическая цель – «заместить две трети российского газа уже в 2022 г.» за счет альтернативных поставщиков и снижения спроса. *REPowerEU* институционализирует модель, при которой энергетическая безопасность ЕС связывается не со снижением внешней зависимости, а с ее перераспределением в пользу ограниченного круга новых экспортеров СПГ. При этом план не содержит анализа того, как может измениться устойчивость поставок при централизации импорта на нескольких внешних поставщиках, и не рассматривает возможное влияние внутреннего нормативного ужесточения ЕС на поведение этих поставщиков и их готовность поддерживать объемы поставок в Европейский союз. Таким образом, *REPowerEU* формирует исходную архитектуру импортной зависимости, основанную на предположении о стабильной доступности глобального рынка СПГ, но без учета рисков сокращения поставок.

Продолжением данной стратегической линии стал 19-й санкционный пакет ЕС, принятый в октябре 2025 г. [*Council Regulation (EU)...*, 2025]. Он впервые вводит полный поэтапный запрет на импорт СПГ российского происхождения, включая прямые поставки в терминалы ЕС, а также его перевалку, перегрузку и реэкспорт через европейскую инфраструктуру. За-

прет реализуется по двухступенчатой модели: с апреля 2026 г. ограничения распространяются на спотовые и краткосрочные операции, а с 1 января 2027 г. — на долгосрочные контракты и все виды прямого импорта. В отличие от предыдущих санкционных мер, которые затрагивали отдельные сегменты трубопроводного газа, данный пакет впервые включает в себя транспортную, инфраструктурную и коммерческую составляющие СПГ, фактически выводя российский СПГ не только из европейского потребления, но и из логистической системы ЕС. Это подтверждает, что запрет российского СПГ является не временной мерой реагирования, а структурным решением, трансформирующим архитектуру газового рынка ЕС.

Санкционный запрет предполагает, что прекращение импорта российского СПГ не приведет к дефициту предложения при условии сохранения поставок от других экспортеров. При этом в документе не рассматриваются последствия для ликвидности хабового рынка, загрузки терминалов, устойчивости контрактных отношений и распределения рисков между участниками рынка. Санкционный пакет исходит из допущения, что зависимость от российского СПГ можно заменить без увеличения концентрации поставок на двух крупнейших поставщиках — США и Катаре. В документе отсутствует оценка возможных ограничений со стороны этих стран, включая риск геоэкономического или регуляторного сокращения поставок, а также влияние правовых требований ЕС (*CSDDD*, *ESG*-комплаенс) на стратегию внешних экспортеров. В результате санкционная логика не соотносится с возможными институциональными, контрактными и рыночными последствиями в контексте энергетической безопасности ЕС в 2027–2030 гг.

Директивой Европейского союза о корпоративной должной осмотрительности (*Corporate Sustainability Due Diligence Directive, CSDDD*) [*Directive (EU)...*, 2024] формируется новый режим ответственности для компаний, работающих на рынке ЕС. Документ вводит экстерриториальные требования к компаниям с оборотом от 450 млн евро и выше, обязывая их обеспечивать контроль соблюдения экологических, социальных и управленческих норм по всей цепочке поставок, включая добычу, транспортировку и производство энергоносителей за пределами ЕС. Ключевыми элементами являются обязанность предотвращать «существенные нарушения прав человека или экологические ущербы» и риск штрафов до 5 % глобального оборота компании.

Для рынка СПГ такие нормы означают перенос юридической ответственности на европейских импортеров в случаях, когда добыча или транспортировка ресурсов происходит в странах, где отсутствуют *ESG*-стандарты Европейского союза. Именно это стало причиной официальных заявлений *QatarEnergy* в 2024–2025 гг. о том, что Доха может пересмотреть контрактные обязательства, поскольку катарские проекты не могут быть адаптированы под европейский стандарт без изменения всей модели добычи и распре-

деления рисков. Аналогичные опасения высказывались американскими производителями СПГ, которые предупредили, что *CSDDD* создает угрозу переориентации части грузов на азиатские рынки, менее чувствительные к *ESG*-требованиям⁶.

В институциональном плане *CSDDD* создает новую конфигурацию рисков: европейские импортеры сталкиваются с необходимостью документально подтверждать соблюдение норм за пределами территории ЕС, тогда как поставщики получают стимул предъявлять покупателям «цену риска», усиливая их зависимость от долгосрочных двусторонних контрактов и ослабляя хабовую модель ценообразования. Таким образом, *CSDDD* становится фактором структурного давления на архитектуру европейского газового рынка и влияет на устойчивость поставок не менее существенно, чем санкционные меры.

Продолжая анализ институциональной архитектуры регулирования газового рынка ЕС, необходимо обратиться к стратегическим документам в области обеспечения энергобезопасности – прежде всего к Стратегии энергетической безопасности ЕС⁷ и обновленному Регламенту безопасности поставок газа [*Regulation (EU)...*, 2025], которые задают нормативные критерии оценки надежности импорта, распределения рисков и координации между государствами-членами.

Определяя диверсификацию как ключевой инструмент снижения уязвимости, Стратегия энергетической безопасности ЕС исходит из предположения, что наличие нескольких экспортеров СПГ автоматически снижает риски поставок. При этом отсутствует механизм анализа устойчивости импортной модели к нересурсным ограничениям – нормативным, правовым, репутационным или институциональным. В документах не рассматривается вопрос о том, как внутреннее регулирование ЕС может создавать барьеры для внешних поставщиков или влиять на условия долгосрочных контрактов. Стратегия фиксирует подход, согласно которому прекращение поставок рассматривается преимущественно как внешнересурсный риск (например, физическое прекращение поставок), тогда как регуляторно обусловленные риски, влияющие на поставки из США и Катара, остаются вне ее рамок. Это позволяет определить позицию ЕС как нормативно целостную, но не интегрирующую собственные регуляторные последствия для внешних поставщиков.

Регламент безопасности поставок газа является центральным юридическим механизмом, определяющим, каким образом ЕС должен реагировать на перебои в поставках, и формирует основу для обязательных националь-

⁶ U.S. Energy Secretary and Qatari Energy Minister Send Letter to EU Regarding Proposed Corporate Climate Regulations // <https://www.energy.gov/articles/us-energy-secretary-and-qatari-energy-minister-send-letter-eu-regarding-proposed-corporate>, дата обращения 10.12.2025.

⁷ Strategy // https://energy.ec.europa.eu/strategy_en, дата обращения 10.12.2025.

ных и региональных планов действий, оценки состояния инфраструктуры, классификации поставщиков по уровню риска и применения механизма солидарности между странами-участницами. Кроме того, документ закрепляет три ключевых элемента энергетической безопасности:

- физическая доступность ресурсов, включая гарантированный доступ к трубопроводам, терминалам СПГ и интерконнекторам;
- инфраструктурная приспособляемость, основанная на принципе резервирования ($N-1$), требующем, чтобы газовая система каждого региона могла удовлетворять спрос даже при потере крупнейшей входной точки;
- долгосрочная контрактная обеспеченность, которая рассматривается как механизм снижения ценовой волатильности и повышения прогнозируемости поставок.

Регламент трактует риски поставок преимущественно через призму трубопроводной зависимости, сосредотачивая внимание на российском направлении и в основном анализируя сценарии геополитически обусловленных перебоев [*Regulation (EU)...*, 2025]. Институционально он ориентирован на оценку способности инфраструктуры компенсировать потерю конкретного маршрута, но не рассматривает ситуации, когда прекращение поставок может возникнуть вследствие решений самого ЕС — санкционных ограничений, новых регуляторных требований (в т.ч. *CSDDD*) или изменения условий доступа поставщиков СПГ.

Хотя в документе упоминается необходимость оценки «рисков чрезмерной зависимости от одного внешнего источника», этот механизм сформирован под традиционную модель трубопроводной зависимости и не учитывает растущую концентрацию поставок СПГ из США и Катара. Регламент также не содержит инструментов для анализа устойчивости рынка в условиях, когда перераспределение импорта происходит в пользу поставщиков, чья экспортная активность может быть ограничена нормативной средой ЕС. В результате формируется институциональный разрыв: существующая система оценки безопасности поставок не охватывает риски, которые становятся ключевыми после 2027 г., — прекращение импорта российского СПГ и возможное сокращение поставок из США и Катара по регуляторным причинам.

В отчетах *ACER Gas Market Monitoring Report* за 2024–2025 гг. представлены официальные данные о динамике импортной структуры ЕС, ликвидности хабового рынка и уровне концентрации поставок газа и СПГ. По оценкам *ACER*, после 2022 г. наблюдается устойчивый рост роли СПГ в европейском газовом балансе, при этом основными источниками поставок фактически становятся США, Катар и Россия, совокупно обеспечивающие более половины импортируемых объемов [*Key developments...*, 2024; 2025]. Вместе с тем агентство отмечает, что расширение физических объемов СПГ сопровождается увеличением различий в объемах поставок между отдельными региональными рынками ЕС, ростом зависимости от географии прием-

ных терминалов и сохраняющимися ограничениями межсистемной инфраструктуры, что напрямую отражается на ликвидности ключевых хабов (*TTF, PEG, MIBGAS*).

ACER также фиксирует увеличение контрактной активности на хабах ЕС (в т.ч. за счет поставок из Катара и США), однако подчеркивает, что рост физического импорта СПГ приводит к усложнению логистики и повышению волатильности цен, что усиливает роль долгосрочных контрактов как инструмента снижения ценовых рисков [*Key developments...*, 2024; 2025]. Вместе с тем агентство не рассматривает, как устойчивость таких контрактов может измениться под воздействием нормативной среды ЕС. Отдельно отмечается риск концентрации поставок после снижения доли российского газа, однако отчеты не раскрывают связь между концентрацией и устойчивостью поставок, ограничиваясь статистическим описанием без институциональной интерпретации.

В совокупности рассмотренные документы формируют нормативно-институциональную среду, в которой структура импорта, ликвидность хабового рынка и воспроизводимость контрактов зависят не только от рыночных факторов, но и от требований европейского законодательства. При этом в ряде документов ЕС задается презумпция технической и логистической заменимости российского СПГ поставками из США и Катара, тогда как институциональные последствия расширения регуляторных требований для поведения внешних экспортеров остаются неизученными.

Каналы воздействия санкционного запрета и нормативных требований на газовый рынок ЕС

Воздействие санкционного запрета на российский СПГ и распространение регуляторных требований ЕС на внешних поставщиков формируют комплексную трансформацию газового рынка Европейского союза, затрагивающую не только физическую структуру импорта, но и институциональные, контрактные, логистические и рыночно-ценовые параметры функционирования рынка. В отличие от сокращения трубопроводных поставок, полный запрет российского СПГ охватывает не только прямой импорт, но и перевалку, хранение и реэкспорт через терминалы Зебрюгге, Дюнкерка, Роттердама и Эмсхавена, которые ранее обеспечивали транзитные схемы включения российского СПГ в европейский и азиатский оборот. Увеличение зависимости от поставок из США (*Cheniere Energy, ExxonMobil, Sempra*) и Катара (*QatarEnergy*) требует перераспределения потоков через Вильгельмсхафен, Свиноуйсьце, Брунсбюттель, Барселону, Бильбао и Картахену, при этом Центральная и Юго-Восточная Европа остаются зависимыми от внутренних интерконнекторов, что усиливает разрыв между физической доступностью и фактической достижимостью энергоресурсов.

Параллельно с этим *CSDDD* и связанные с ней *ESG*-механизмы расширяют контрактные требования к поставщикам из третьих стран, включая раскрытие цепочек поставок, юридическую ответственность за происхождение сырья и условия добычи, экологические стандарты и бенефициарную структуру компаний. *QatarEnergy* официально заявляла, что новые требования ЕС создают «регуляторную неопределенность и юридические риски для долгосрочных поставок», а американские поставщики начали включать в контракты с европейскими трейдерами (*RWE, Engie, Uniper, Shell, Naturgy*) расширенные *liability clauses*, а также условия переориентации объемов в Азию при несоблюдении европейских нормативных требований. В результате устойчивость поставок начинает определяться не только физической доступностью газа, но и правовой исполнимостью контрактов, что создает новую форму зависимости.

По мере роста концентрации импорта (по данным *ACER*, индекс Херфиндала – Хиршмана по рынку СПГ в ЕС вырос с 950 в 2021 г. до 1450 в 2024 г.) усиливается влияние внешних поставщиков на ликвидность хабов и ценовые индексы. Спотовая торговля на *TTF, PEG* и *MIBGAS* сокращается, уступая место контрактам с индексацией к *Henry Hub* и *JKM*, что ослабляет роль *TTF* как ценового бенчмарка. В ЕС отсутствует институциональная оценка того, как нормативные ограничения могут изменять распределение ценовых рисков между покупателями и поставщиками, а также того, как контрактная негибкость может повлиять на устойчивость газового рынка в условиях одновременного геополитического и регуляторного давления.

Трансформация европейского импортного баланса проявляется в смещении структуры поставок: формальная географическая диверсификация сохраняется, однако реальная ресурсная база сужается за счет роста зависимости от ограниченного числа поставщиков СПГ. На смену прежней физической зависимости приходит институциональная зависимость от условий долгосрочных контрактов и нормативных требований ЕС. Это сопровождается снижением эффективности хабового ценообразования и увеличением рисков концентрации поставок, обусловленных не политическим давлением извне, а изменениями в регуляторной архитектуре самого ЕС.

Сценарии адаптации газового рынка ЕС в 2027-2030 гг.

Адаптация газового рынка ЕС к одновременному прекращению импорта российского СПГ и возникновению ограничений поставок из США и Катара будет определяться сочетанием факторов, включая правовую среду ЕС, стратегию поведения внешних поставщиков, инфраструктурную гибкость, распределение регазификационных мощностей и устойчивость долгосрочных контрактов. Рынок находится в условиях, где физическая доступность ресурса на глобальном рынке сохраняется, но правовая, логистическая и

контрактная воспроизводимость поставок становится ключевым ограничивающим фактором. На этой основе можно выделить несколько реалистичных сценариев развития на период 2027–2030 гг., различающихся по глубине воздействия нормативных мер и реакции внешних экспортеров.

Первый сценарий предполагает адаптацию нормативной политики ЕС к особенностям внешних поставок, включая введение специальных режимов исполнения *CSDDD* для энергетического импорта, использование исключений для стран-экспортеров, а также упрощение требований к корпоративной ответственности в сфере СПГ. США и Катар сохраняют большинство действующих договоренностей с европейскими покупателями, что позволяет компенсировать выпадение российских объемов. Ликвидность хабов остается умеренной, а ценовая волатильность снижается вследствие большей предсказуемости поставок. Инфраструктурные узкие места (*bottlenecks*) остаются, но не накапливаются. Этот сценарий не предполагает кардинальной перестройки модели рынка, а лишь корректирует ее нормативную составляющую, что делает его наиболее благоприятным для ЕС, хотя и зависимым от политических решений в Брюсселе.

Второй сценарий формируется при условии сохранения первоначальной редакции *CSDDD* и выполнении ее требований. В этом случае в энергетической отрасли произойдет сокращение участия отдельных внешних поставщиков. ЕС столкнется с нехваткой долгосрочных объемов, ростом зависимости от спота и снижением ликвидности *TTF*. Между региональными рынками (Южная Европа, Западная и Центральная Европа) появляются ценовые расхождения из-за ограничений интерконнекторов. Это усиливает волатильность и снижает устойчивость ценообразования, создавая угрозу повторения фрагментации рынка, аналогичной 2022 г.

Третий сценарий связан с ускоренным развитием инфраструктуры приема и распределения СПГ. При ускоренной реализации проектов в данной сфере (*FSRU*, расширение терминалов, строительство новых интерконнекторов в Центральной Европе) ЕС частично компенсирует потерю российских объемов и возможное сокращение поставок из отдельных стран. Ключевым компенсатором становятся терминалы на побережье Северного моря (Нидерланды, Германия, Бельгия), способные принимать дополнительные танкеры США и Катара. Усиливается роль Испании как источника реэкспортных мощностей при условии расширения связки Испания – Франция. Логистическая устойчивость повышается, но нормативные риски не исчезают: даже при развитой инфраструктуре рынок остается уязвимым к юридическим ограничениям поставок. В результате стабилизация достигается техническими, а не институциональными мерами, что ограничивает ее долгосрочную устойчивость.

Согласно *четвертому сценарию*, внешние компании продолжают поставлять газ, но требуют премий к ценам и включают в контракты уси-

ленные оговорки, минимизирующие риски невыполнения нормативных требований ЕС. В результате европейские покупатели сталкиваются с ростом стоимости долгосрочных контрактов, снижением спотовой доли и переходом к модели, где безопасность поставок обеспечивается ценой, а не конкуренцией. Ликвидность хабов снижается, роль *TTF* как бенчмарка ослабляется, и индексный механизм все больше смещается в сторону катарских ценовых индикаторов. Этот сценарий особенно вероятен при сохранении двойного давления: нормативного со стороны ЕС и контрактного со стороны экспортеров.

Каждый из представленных сценариев демонстрирует, что ключевые риски для газового рынка ЕС в 2027–2030 гг. связаны не столько с наличием или отсутствием физического ресурса, сколько с устойчивостью контрактных и нормативных условий, в которых этот ресурс доступен. Это позволяет сформулировать вывод, что европейская модель энергетической безопасности смещается от ресурсной логики к институционально-контрактной, а нормативные решения ЕС становятся самостоятельным фактором рыночной динамики.

Институциональные последствия и выводы для энергетической безопасности ЕС

Проведенный анализ показывает, что трансформация газового рынка Европейского союза после 2027 г. определяется не столько прекращением импорта российского СПГ, сколько сочетанием санкционного механизма и внутренней нормативной динамики ЕС, распространяющейся на внешних поставщиков. Последовательное ужесточение регуляторных требований формирует новую архитектуру импортной зависимости, в которой устойчивость поставок определяется контрактной исполнимостью, юридической совместимостью и логистической воспроизводимостью, а не только физической доступностью энергоресурсов. В этих условиях растущая концентрация поставок из США и Катара приобретает институциональный характер, поскольку внешние экспортеры начинают соотносить объемы и условия поставок не с рыночной конъюнктурой, а с параметрами нормативной среды ЕС.

Возможные траектории развития газового рынка ЕС после 2027 г. демонстрируют, что институциональные решения в сфере регулирования оказывают прямое влияние на устойчивость поставок и структурную конфигурацию рынка. При умеренной жесткости нормативных требований снижается регуляторная неопределенность для экспортеров, что способствует сохранению контрактной базы и поддержанию предсказуемости поставок. Усиление регуляторного давления, напротив, повышает юридические и финансовые риски для поставщиков, что ведет к фрагментации рынка, росту ценовой волатильности и усилению конкуренции ЕС с азиат-

скими потребителями за ограниченные объемы СПГ. Инфраструктурные меры способны смягчить логистические ограничения, однако не компенсируют воздействие нормативных рисков на стратегию поведения поставщиков. Дополнительно нарастает вероятность перехода к более затратной модели снабжения, при которой доступность поставок обеспечивается через повышение контрактных премий и сокращение хабовой ликвидности, что увеличивает стоимость обеспечения безопасности поставок для европейских потребителей.

Ключевым выводом исследования является то, что европейская модель энергетической безопасности вступает в фазу институциональной зависимости, где риски поставок возникают не вследствие дефицита ресурса, а вследствие несовпадения нормативных требований ЕС с практиками глобального газового рынка. Устойчивость европейского газового рынка в 2027–2030 гг. во многом будет определяться тем, насколько ЕС сможет сбалансировать собственные регуляторные требования с экономическими интересами внешних поставщиков. От этого зависит сохранение хабового ценообразования, предсказуемость долгосрочных контрактов и целостность регионального газового пространства.

Список литературы (References)

Council Regulation (EU) 2025/2033 of 23 October 2025 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2025/2033/oj/eng>, дата обращения 29.11.2025. (In Eng.)

Directive (EU) 2024/1760 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on corporate sustainability due diligence and amending Directive (EU) 2019/1937 and Regulation (EU) 2023/2859 (OJ L, 2024/1760, 5.7.2024) // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/UK/LSU/?uri=CELEX:32024L1760>, дата обращения 10.12.2025. (In Eng.)

Regulation (EU) 2025/1733 of the European Parliament and of the Council of 18 July 2025 amending Regulation (EU) 2017/1938 as regards the role of gas storage for securing gas supplies ahead of the winter season // <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2025/1733/oj/eng>, дата обращения 05.12.2025. (In Eng.)

REPowerEU Plan // https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:fc930f14-d7ae-11ec-a95f-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF, дата обращения 29.11.2025. (In Eng.)

Hall P., 1993. Policy Paradigms, Social Learning, and the State // *Comparative Politics*. No. 3. Vol. 25. Pp. 275–296. (In Eng.)

Sabatier P., 1998. The Advocacy Coalition Framework: Revisions and Relevance for Europe // *Journal of European Public Policy*. Vol. 5. No. 1. Pp. 98–130. (In Eng.)

Sabatier P., Jenkins-Smith H., 1999. The Advocacy Coalition Framework: An assessment // P. Sabatier & H. Jenkins-Smith (Eds.). Theories of the policy process. Westview Press. Pp. 117–168. (In Eng.)

Sabatier P., Weible C., 2007. The Advocacy Coalition Framework: Innovations and Clarifications // Theories of the Policy Process., No. 1. Pp. 189–220. (In Eng.)

Gas Market Report, Q3 2024 // <https://www.iea.org/reports/gas-market-report-q3-2024>, дата обращения 05.12.2025. (In Eng.)

Global Gas Security Review 2023 // <https://iea.blob.core.windows.net/assets/f45a2340-8479-4585-b26e-ec5e9b14feca/GlobalGasSecurityReview2023IncludingtheGasMarketReportQ32023.pdf>, дата обращения 05.12.2025. (In Eng.)

Key developments in European electricity and gas markets, 2025 // https://www.acer.europa.eu/sites/default/files/documents/Publications/2025_ACER_Gas_Electricity_Key_Developments.pdf, дата обращения 05.12.2025. (In Eng.)

Key developments in European gas markets – Q3 2024 // https://www.acer.europa.eu/monitoring/MMR/gas_key_developments_Q3_2024, дата обращения 05.12.2025. (In Eng.)

Igor V. YUSHKOV, Senior Lecturer of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

E-mail: ivyushkov@fa.ru

SPIN-code: 5693-0136

Sofya A. ZAITSEVA, 3rd year Political Science student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

E-mail: zsofa1706@mail.ru

ORCID: 0009-0003-3846-3609

EU GAS MARKET UNDER A SANCTIONS BAN ON RUSSIAN LNG AND REGULATORY RISKS TO SUPPLIES FROM THE UNITED STATES AND QATAR

DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_44

Received: 17.03.2026.

For citation: *Yushkov I. V., Zaitseva S. A., 2026. The EU Gas Market in the Context of Sanctions Ban on Russian LNG and Regulatory Risks of Reducing Supplies from the US and Qatar. – Geoeconomics of Energetics. № 2 (34). P. 44–59. DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_44*

Keywords: EU gas market; LNG; gas imports; EU sanctions; CSDDD; energy security; regulatory risk; hub pricing; long-term contracts.

Abstract

The article examines the institutional, market, and infrastructure implications for the European Union gas market that arise from the simultaneous impact of two major constraints: the sanctions-driven ban on imports of Russian liquefied natural gas (LNG) starting in 2027 and the extension of EU regulatory requirements, including the Corporate Sustainability Due Diligence Directive (CSDDD), to external suppliers, primarily from the United States and Qatar. Based on a qualitative institutional analysis and a review of EU regulatory acts, European Commission materials, and ACER reports, it is demonstrated that the impact of these measures goes beyond a simple replacement of Russian volumes and affects supply logistics, the structure of long-term contracts, and the functioning of hub-based pricing, thereby altering market access conditions for external suppliers.

The article explores the institutional consequences of applying CSDDD requirements to companies such as QatarEnergy, Cheniere, ExxonMobil, and other exporters. These consequences include tighter legal obligations, a reconfiguration of risk allocation in long-term contracts, and the emergence of conditions in which supply security depends not on the physical availability of gas in global markets but on the regulatory compatibility of supply chains with EU requirements. The study finds that as the market share of the United States and Qatar expands within the EU, liquidity at major trading hubs declines, while price formation increasingly shifts toward long-term agreements, where pricing more often relies on external benchmarks rather than hub quotations. Taking these transmission channels into account, the article identifies several possible trajectories for the EU gas market in 2027–2030, which differ in how suppliers respond to the Union’s regulatory framework.